



Окружная военная дорога

Две украинские бабушки проделали путь в тысячи километров, чтобы оказаться на другом берегу Днепра.

Репортаж



Иллюстрации: Настя Покотинска / «Новая газета Европа»

09:13, 27 мая 2024,

Ольга Васильева

специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →



От села Кардашинка, что возле Голой Пристани в Херсонской области, до Херсона — 11 километров по прямой, 37 километров по трассе и минут 30 езды на машине. Так было до 24 февраля 2022 года. Сегодня путь херсонцев с оккупированного российскими войсками левого берега Днепра на правый, освобожденный, при удачном стечении обстоятельств занимает от пяти суток, и преодолеть приходится более 4000 километров. Люди возвращаются в Украину с оккупированных территорий через Грузию, Россию, Беларусь или страны Балтии. Мы проехали одним из этих путей вместе с пожилыми жительницами Кардашинки, отправившимися в трудное путешествие, чтобы обнять своих детей.



ЗДЕСЬ БЫЛ МУЛЬТИМЕДИА ЭЛЕМЕНТ

Просмотреть элемент можно по ссылке:

[ОТКРЫТЬ ПОЛНУЮ ВЕРСИЮ МАТЕРИАЛА](#)

Не забудьте включить VPN, если вы в России



Кардашинка — Крым

— Что у вас в сумках? — раздраженно спрашивает сотрудница погранслужбы, на вид ей лет 40, темные крашеные волосы туго стянуты в хвост. Две старушки за восемьдесят слишком долго возятся с замками постоянно заваливающихся набок объемных и тяжелых сумок на колесиках.

83-летняя баба Надя волнуется, замок не поддается. Она впервые в жизни пересекает границу. Точнее, импровизированную границу между Армянском и Чаплынккой, разделившую аннексированный Крым и оккупированную территорию Херсонской области. Ее «молодая» подруга Рая, ей весной стукнуло 81, чувствует себя увереннее: ее дети много лет живут за рубежом, и она до самой войны два раза в год летала то в Таиланд, то в Эмираты. Она заранее сняла обложку с паспорта и правильно уложила сумку, чтобы при открытии замка ничего не вываливалось. Как у Нади, например. Та под пристальным взглядом пограничников суетливо выкладывает одежду, большой пакет с лекарствами, кастрюли и кухонный топорик...

— Мне сложно наклоняться, — со вздохом признается Надя, — посмотрите, что вам нужно, в моей сумке сами.

— Мы не имеем права, — отвечает женщина в погонах. — Вот это еще приподымите, — указывает на старый, весь в катышках, объемный серый свитер Нади. — Достаточно, проходите.

Рая — стройная, прямая, со спины — юная девочка, у нее едва заметно татуированные брови и свежий маникюр: ногти средней длины алого цвета. «Рая, ты хоть ногти сотри, а то будешь к нам внимание ненужное привлекать», — иногда негромко восклицает Надя. Назвать Раю бабушкой язык не поворачивается, а вот Надю — вполне. Маленькая, полненькая, малоподвижная, с трудом держится на ногах с помощью трости — за месяц до начала войны она перенесла тяжелый инсульт, но не отчаялась, ежедневно делала зарядку и сама смогла поставить себя на ноги.

Армянск — Симферополь

Таксист Руслан ждет пожилых пассажиров на автомобильной парковке возле пограничного перехода, чтобы отвезти их на

железнодорожный вокзал в Симферополь. На улице ветрено и сухо. Солнце греет не по-весеннему жарко. Руслан курит, высунув руку в открытое окно своей черной «Тойоты», в тени уже покрывшегося молодыми зелеными листьями дерева.

Бабушки появляются на пешеходной дорожке. Надя идет, грузно опираясь на трость. Ее сумку и рюкзак помогает нести Серега, знакомый из Кардашинки, сегодня таксующий по территории оккупированной Херсонщины до границы с Крымом. На дальние расстояния ему тяжело ездить: старенькая «Таврия» не позволяет. У Раи на плечах рюкзак, видно, что ей очень тяжело, но она не жалуется. Одной рукой я качу ее сумку, постоянно норовящую свалить набок из-за слишком близко расположенных колесиков, в другой руке несущая два больших пакета с едой — путь предстоит неблизкий. Приходится останавливаться, чтобы перевести дух и выровнять заваливающуюся сумку.

Толстый, но подвижный Руслан приветливо машет нам рукой, даже делает вид, что вот-вот бросится помогать с сумками, но начинает суетиться с багажником, что-то там перекидывать, пока пассажирки не подходят совсем близко. Вспотевший Серега кладет сумки в багажник и прощается. Мы с бабушками садимся в машину, и путешествие начинается.

Дорога от Армянска до Симферополя — почти 150 километров, едва разгонишься — приходится притормаживать: ремонт дороги. Гудит каток, на обочине тарахтит трактор. Рабочие в оранжевых жилетах совковыми лопатами бросают дымящийся черный асфальт, начальник с неизменной сигаретой в руке им тут же что-то громко объясняет матами, активно жестикулируя.

— Да, дороги сейчас здесь ремонтируют, — замечает Руслан, — пробки из-за них. К лету, наверное, готовятся, туристов ждут.



Контрольно-пропускной пункт в Армянске на севере Крыма, Украина, 19 октября 2022 года. Фото: AFP / Scanpix / LETA

Сложно представить себе туристов, летом устремляющихся на север Крыма, где расположены военные базы, склады с боеприпасами и куда периодически прилетают украинские ракеты и дроны.

— Знаем мы этих «туристов», — почти беззвучно замечает Рая.

Таксист ее не слышит, хвастает, что в Крыму еще ни разу не платил автомобильные штрафы, что с гаишниками всегда можно договориться, «они же тоже люди».

— Я только перед камерами [видеофиксации правонарушений] скорость сбрасываю, но это чисто из уважения к современным технологиям, — говорит Руслан.

Чем дальше мы от Херсонщины, тем хуже ловит связь от секретного мобильного оператора, зашедшего на оккупированную территорию еще летом 2022 года и работающего там по сей день. Накануне выезда я зашла в салон мобильной связи в Крыму и спросила у продавца по поводу «херсонских» сим-карт.

— А, эти, — безнадежно махнул рукой продавец, — чем дальше вы от Херсонщины, тем хуже они работают. А в России и вовсе работать перестанут. Переключить номер на другого российского оператора невозможно. Любой другой можно, но только не тот, что куплен в Херсонской области.

Вокзал. Симферополь

Симферополь. Железнодорожный вокзал. Таксист выставляет сумки на тротуар, прощается. Единственный вход на территорию вокзала от нас метрах в ста, и он единственный. Дойти до входа от зоны парковки такси — то еще приключение. Одну бабушку оставляю охранять сумки, вторую довожу до середины пути. Потом переношу сумки и перевожу первую бабушку. Повторяю эти действия, пока мы все не оказываемся у входа, оборудованного рамками металлоискателя.

— Сумки ставим на ленту, снимаем часы, ремни, выкладываем телефоны, зажигалки, мелочь из карманов в лоток, — монотонно повторяют сотрудники службы безопасности.

Конвейер из спешащих пассажиров и небольшой затор перед рамкой металлоискателя. Вижу на цветном экране интроскопа Надину сумку с кастрюлями. Топорик, к счастью, удачно лег за одной из кастрюль, и его угрожающий силуэт не виден. Выдыхаю.

На территории вокзала люди сидят на металлических сиденьях, на которых холодно даже в жаркий день. Они смеются, о чем-то

говорят — во всем чувствуется непринужденная обстановка южного города. Девушка в короткой юбке и розовой футболке, с накачанными силиконом ярко-красными губами, прижимается к молодому мужчине в камуфляжной форме. Он что-то рассказывает, а она смотрит на него снизу вверх, ее глаза с длинными и густо накрашенными накладными ресницами щурятся от солнца. Рядом с парочкой стоит ярко-розовый пластиковый чемодан на колесиках, к нему прислонился большой рюкзак цвета хаки с нашитой буквой «Z». Недалеко пристроилась другая парочка. Обоим лет по сорок, оба в спортивных костюмах, на ногах — резиновые сланцы. Синхронно щелкают жареные семечки. На пол не плюют, за это штраф. Складывают шелуху в прозрачный пакетик. Молчат.

— Надя, ну зачем вы тащите эти кастрюли? — спрашивает Рая. — Тяжелые же. Вы их что, в Херсоне не купите?

— А вдруг не куплю? — отвечает Надя. — У меня такие раньше были, очень удобные, дно толстое. А потом [российские] солдаты их утащили.

Я прикладываю палец к губам: тсс, не стоит здесь говорить о солдатах.

Военных вокруг много, они приезжают и уезжают. В основном это молчаливые мужчины лет 30–45. На них рюкзаки, к которым прикреплены сланцы. У кого-то нашивки «Z» или «V». Пара человек с шевронами, на которых нарисован череп на черном фоне. Они курят прямо под знаком «Курение запрещено». Каждый уткнулся в экран своего смартфона.

Надя с Раей увлеченно обсуждают свои болезни.

— Да ладно? — неожиданно рядом вскрикивает девица с силиконовыми губами. — Вот это пиздец!

Военный убедительно кивает головой и продолжает что-то тихо говорить своей спутнице.

— Я уверена, что материться нельзя ни в коем случае, что это портит карму и отражается на судьбе наших детей, — поджав губы, негромко замечает Надя.

Объявляют посадку на поезд. Идти далеко, нужно обойти состав, потому что по ступенькам с сумками и бабушками двигаться еще труднее. Легкая и целеустремленная Рая тут же умчалась вперед, а Надя идет медленно, опираясь на палку. Тут мы видим мужчину в военной форме с большой спортивной сумкой. От него едко пахнет застарелым потом, перегаром и сигаретным дымом. Он идет по перрону и кричит: «Суки, ненавижу, блядь! Сдохните, твари!» И еще много-много мата, который льется непрерывным потоком. Агрессивный пассажир идет нам навстречу, и я внутренне сжимаюсь: не очень-то охота встречать в реальной жизни «героев спецоперации». Мужик продолжает орать, и в голосе его уже слышны слезы, голос иногда срывается на фальцет, и сквозь маты прорываются тоскливые нотки отчаяния.

— Убью! — орет он во всё горло, поравнявшись с нами.

Надя вздрагивает и пытается идти как можно быстрее, всё дальше и дальше от орущего вояки, но ноги от страха становятся ватными, слушаются плохо. Опираясь на трость, тащит свое тело к вагону из последних сил.

Крымский мост

В плацкартном вагоне душно, пытаемся отдышаться после

пробежки с сумками и встречи со скандалистом в военной форме. Пассажиры деловито застилают постели, всем своим видом показывая, что посиделок на нижних полках не предвидится. Никто не знакомится, не разговаривает, слышен только стук набирающих скорость вагонных колес. Уже через час почти с каждой верхней полки в проход торчат мужские ноги в бывалых носках — жара никого не щадит.

— Вы ложиться будете? — смущенно спрашивает наших бабушек, расположившихся на двух нижних полках у стола, парень лет 20. Худощавый, темно-русые волосы не первой свежести, на потемневшем от загара лице — веснушки.

— Нет-нет, присаживайтесь, — поспешно отвечает Рая.

Парень представляется Ваней, ехать ему недалеко, после Крымского моста выходит, а там — на машине до Славянска-на-Кубани. Хочет добраться домой, поиграть на гитаре, встретиться с друзьями. А еще скучает по плавням. На Херсонщине плавни тоже есть, но они другие...

— Контрактник? — спрашиваю Ваню.

— Да, — почему-то смутившись, отвечает парень и прячет под стол обветренные руки с обломанными ногтями, под которыми застряла черная грязь, земля буквально въелась в кожу его пальцев.

Помолчали. Надя потянулась за пакетом с лекарствами, зашуршала коробочками.

— Оль, глянь, тут 200 миллиграмм или 100? — спрашивает меня.
— Не вижу ничего.

— А в Мариуполе такую шикарную больницу для гражданских отстроили, — неожиданно громко произносит Ваня, и в голосе его столько гордости, что бабушки отвлекаются от своих дел и

подымают на него глаза.

Все молчат. Тутук-тутук, тутук-тутук...

Рая смотрит на меня, в глазах набухают слезы, одними губами: «Лучше бы они его не бомбили». Тише, Рая, тише...

— Часто в отпуск ходишь? — спрашиваю Ваню.

— Второй раз уже за два года.

— Везуха. А что ж тогда жены мобилизованных бунтуют, что их мужиков даже в отпуск не пускают? Врут, наверное?

— Вряд ли, — подумав, отвечает Ваня. — Это от командира зависит, наш нормальный, всегда в положение войдет. А есть такие, что годами не допросишься.

— А я слышала, что за деньги можно об отпуске договориться.

— Ну, есть и такое, — опускает глаза Ваня.

Ближе к Керчи все, кто еще не спал, укладываются на своих полках, по вагону один за другим проходят полицейские, военные и сотрудники безопасности на железной дороге.

— Уважаемые пассажиры, во время движения по Крымскому мосту запрещено вставать со своих мест и передвигаться по вагону, — объявляет проводница, продвигаясь от одного купейного отсека к следующему. — Биотуалеты будут закрыты, пользоваться ими запрещено. Всё остальное время движения нашего состава, включая остановки, туалеты будут работать.



Иллюстрация: Настя Покотинска / «Новая газета Европа»

Поезд проезжает Крымский мост ночью, Рая с Надей полулежат на своих полках, вглядываясь в темноту. Фонари, железобетонные ограждения, колючая проволока, пару раз показались волны, бьющиеся о бетон. Так ничего толком и не увидев, бабушки ложатся спать.

Вокзал. Ростов-на-Дону

Крупный железнодорожный узел Ростов-на-Дону встречает нас суетой на платформе, переругиваньем грузчиков и жарким пыльным воздухом. Пассажиры, пользуясь длительной остановкой, высыпали из вагонов на улицу, чтобы размяться и выкурить сигарету-другую, позвонить, пока связь хорошо ловит.

Мы выгружаемся на перрон, на этом вокзале у нас пересадка. Из разных вагонов выносят на носилках лежащих инвалидов. Надя после марш-броска в Симферополе совсем ослабела, сажаю ее в инвалидную коляску, грузчики помогают мне с сумками.

На втором этаже железнодорожного вокзала оборудована зона ожидания для инвалидов, здесь удобные сиденья и много

комнатных растений. Рядом отделена еще одна зона — для участников «спецоперации». Народу немного, некоторые солдаты спят, улегшись на ряд сидений. Другие бодрствуют, сидят, не поднимая глаз от смартфона. Объявили поезд на Крым, военные как один поднялись, взяли рюкзаки и ушли. В поле зрения никого, можно разговаривать.

— Каждый день минимум четыре раза русские обстреливали Херсон с моего огорода, — вспоминает Надя. — В четыре утра, потом часов в десять, в 18 и ближе к полуночи. Приедут, отстреляют снаряды, уедут. Из Олешек тоже стреляли, как стемнеет, по реке звук разносится хорошо — стены дрожат.

Я лежу в постели, считаю вспышки, обычно их было 22. Но страшнее всего дроны, с них вообще непредсказуемо прилетало.

Помню, смотрю в стену, считаю вылеты, а потом — ба-бах рядом, и моя стена словно поплыла в сторону, потом на место вернулась. Люстра качается. Ощущение, как будто землетрясение.

Надя с Раей вспоминают, что война для них началась еще в 2014 году. Пока украинцы боролись за свои права на Майдане (Рая туда ездила митинговать вместе с детьми), Путин воспользовался смутой в соседнем государстве и захватил Крым, а потом спровоцировал войну на Донбасе. Но обе признаются: ждали от россиян чего угодно, но не полномасштабной войны.



ВОСПОМИНАНИЯ. ПОТОП

Весной 2023 года в Кардашинке исчезли крысы. Когда местные это заметили, стало не по себе, возникло ощущение, что что-то случится: животные беду чувствуют. Через два месяца взорвали Каховскую дамбу.

— За десять дней до потопа моя собака начала плакать, — вспоминает Надя. — Я ему говорю: «Дружочек, что с тобой?» — а он лапы на морду, смотрит с тоской, и слезы катятся. Дружочка я отвязала, когда потоп начался. Он бегал туда-сюда как ошалелый. Я ему кричала, чтобы со мной шел, сама я после инсульта едва ковыляла. Но он пропал из виду. Соседи позже сказали, что он утонул, залез на сарай, а его водой смыло.

До прихода большой воды солдаты сняли свои позиции и уехали, Надя доковыляла до соседей, у тех работал телевизор, там в новостях как раз говорили, что вода поднимется максимум на полтора метра. Решили идти в дом к Наде: он каменный, на высоком фундаменте, в нем переждать наводнение безопаснее. В огороде накопили молодой картошки, сварили завтрак. Пока торопливо ели, вода с шумом прибывала.

— А потом вода как хлынула в дом, что мы еле-еле успели на чердак по лестнице забраться, — вспоминает Надежда. — Волна шла сильная, всё на своем пути сметала. Господи, как это было страшно.

Стемнело. Вода почти достигла чердака. Часов в 11 ночи шум: на двух резиновых лодках приплыли соседи с детьми, попросились к Наде на чердак. Гости рассказали, что сидели на чердаке своего дома, когда слышали

сильный треск, едва успели пересест в лодки — дом завалился и ушел под воду. Хорошо, что их отец был рыбак и у него были спрятаны лодки.

Еще один сосед добрался до них вплавь. Говорит, тетку-инвалида кое-как закинул на чердак своего дома, но он в любой момент рухнуть может. Парни сели в лодку и сразу же поплыли за теткой, вытащили ее, а дом и правда через пару часов рухнул, до утра не достоял. К рассвету на чердаке у Нади сидели 11 человек.

Ближе к обеду 7 июня дом Надежды тоже начал трещать, все испугались. Люди расселись в две резиновые лодки и поплыли искать сушу.

— Перед наводнением я собиралась кухонные тряпочки стирать, замочила их в тазике, а потом в панике собирала документы и лекарства, так эти тряпочки у меня в сумке оказались, — горько усмехается Надежда.

Рая была в день потопа дома одна, ее дети уехали из Украины в первые дни полномасштабной войны, они просили маму уехать вместе с ними, но она не смогла бросить дом.

— А потом как начали каждый день бить с трех сторон, постоянно грохот, лежу, трясусь и молюсь, чтобы мой дом не зацепило, — вспоминает Рая. — Но я даже предположить не могла, что нас топить будут. В ночь, когда подорвали дамбу, мне приснился мой покойный муж, сон был страшный, я испугалась, проснулась, включила свет. Прилегла снова, только глаза закрыла, как что-то начало давить меня, душить, я боролась, пока

не столкнула это что-то на пол, потом только смогла дышать. Я прямо слышала звук падения, но ничего не увидела. Это было в два часа ночи.

Примерно через час взорвали Каховскую дамбу. Уже к утру вода начала заливать огород Раи, а потом и двор дома. Она затащила собаку на крышу, сама бегала внутри, таскала, что успевала, с первого этажа на второй. Вода давила снаружи так сильно, что двери дома невозможно было открыть. Пришли соседи, их дом из глины сложился почти сразу, залезли через окно. Рая всё еще металась с этажа на этаж, побежала за микроволновкой, вода уже была по шею.

Канализация переполнилась, и на первом этаже вода фонтаном била из унитаза. На втором этаже у Раи была ванная комната после недавнего ремонта, она успела набрать чистой воды в белоснежную ванну, благодаря этому первые дни потопа ей и соседям было что пить.

— У меня котлет целая кастрюля была нажарена, стояла в холодильнике, хотели достать — какой там! — продолжает Раиса. — Холодильник перевернулся и в воде плавал. Всю ночь мы не спали, смотрели, на сколько еще вода поднялась. Потом она дошла до середины окон второго этажа, и мы все полезли на чердак. Затащили туда, какие смогли, матрасы, подушки и одеяла.

На следующий день стали выбираться на остров, куда съезжались остальные кардашинцы.

— Мы нашли островок суши, остановились на нем, —

говорит Надя. — У кого телефоны еще работали, постоянно звонили в МЧС, но нас никто не спасал. Двое суток мы, как и все вокруг, спали на голой земле. Нас было человек пятьдесят. Младенцев не было, но дети примерно 8–14 лет были. Много коров, собак. Я знаю, что на другом подобном островке с украинских дронов людям скинули хлеб и воду, но у нас не было ничего. Я ни разу не ела за эти дни, воды у меня немного было. Я ее берегла, просто смачивала рот, потому что было совершенно непонятно, сколько мы здесь пробудем. От голода и жажды думала только об одном: скорее бы выбраться из этого ада.

Днем безжалостно жгло солнце, а ночью — холодно. Спасал старый растянутый свитер, в котором Надя раньше работала в огороде. «А ты говоришь, почему я его не выбрасываю, да он мне жизнь спас», — реплика в мой адрес.

На третьи сутки появились волонтеры — местные жители на лодках. Часть людей уехали в сторону Херсона, Надю тоже обещали отвезти на правобережье в следующий рейс.

— Я знаю, что некоторые с нашего островка добрались до Херсона, но не все: лодки расстреляли русские, — говорит Надя. — Я очень хотела к своим детям в Херсон, ждала, когда за мной вернутся, но с той стороны больше никто не приехал.

МЧС всё еще не было, приехали волонтеры, они перевезли оставшихся на острове кардашинцев в незатопленную часть Голой Пристани, где пострадавших

ждали эвакуационные автобусы. Людей развозили в пункты временного размещения (ПВР) в Скадовск, Лазурное и Железный Порт. Надя с Раей попали в Лазурное.

— Я сильно плакала, потому что не могла сообщить своим детям, что со мной, — продолжает Надя. — Мне предложили воду, сок и бутерброды, но я не могла есть, только немного воды попила. Женщина в ПВР сжалилась надо мной и дала позвонить дочери через телеграм: с российских номеров на украинские иначе нельзя позвонить. Только после разговора с дочерью я смогла немного успокоиться.

Эта же женщина и дальше раз в несколько дней давала Наде свой телефон, но никогда не отходила от бабушки во время разговора, слушала всё, что та рассказывает детям, находящимся на правом берегу. Через месяц после потопа Надя впервые получила российскую пенсию в 10 тысяч рублей и сразу купила себе телефон, чтобы звонить детям в любое время.



Сотрудники МЧС России эвакуируют жителей после разрушения дамбы Новой Каховки в городе Голая Пристань Херсонской области, Украина, 8 июня 2023 года. Фото: Александр Ермоченко / Reuters / Scanpix / LETA

Посадка на поезд. Инвалиды

Объявили посадку на поезд до Минска. Бабушки суетятся, волнуются. Снова приходит на помощь грузчик. Он толкает тележку с сумками. Я везу Надю в инвалидной коляске. Стремительная Рая снова умчалась вперед. На улице возникает заминка.

— У нас этим поездом больше десяти инвалидов едет, — говорит грузчик. — Вы не волнуйтесь, пока всех не погрузим, поезд не уедет. Сегодня вообще не моя смена, мне звонят, мол, выходи, — продолжает парень, закуривая сигарету. — А я что? У меня, между прочим, свои планы были, но пришлось идти. Вот приехал поезд, а в нем пассажир-инвалид умер. Мы не должны его таскать, а медики тоже брать не хотят. Состав стоит, бабка воет, а мы тут при чем?

Я молчу, киваю головой, сочувствуя. Надя, потупив глаза, сидит в инвалидной коляске. К нам подвозят каталки с лежащими инвалидами, дедушка и бабушка, они настолько худые, что практически невесомые, белые волосы и кожа, тонкие ноги и руки. Грузчики начинают спорить между собой.

— Откуда вы? — спрашиваю сопровождающую инвалидов женщину.

— Из Горностаевки.

Выясняется, что они тоже едут в Украину к своим детям. Горностаевка находится недалеко от Каховки на оккупированной территории Херсонской области и периодически обстреливается.

Грузчики так долго выясняют отношения, что до отправления поезда остается несколько минут. Нумерация вагонов вразброс. Наш оказался почти последним. Я бегу по перрону от головы поезда к хвосту, толкая перед собой коляску с Надей. Ручки расположены неудобно низко, бежать приходится согнувшись. Никогда не думала, что это так трудно. Тяжелая сумка, накинутая через плечо на спину, постоянно съезжает вперед и сбивает шаг. Бегу, оглябая курящих у вагонов людей, от жары и сигаретного дыма дурно. В последние пару минут мы успеваем заскочить в наш вагон. Какой-то парень закидывает вслед все наши сумки. Поезд трогается.

Ростов-на-Дону — Миллерово

Надя с Раей суетятся на своих местах, перекладывая пакеты с лекарствами поближе, сумку с документами и «грошами»

подальше. Пакеты с едой под ноги, чтобы далеко не тянуться.

Надя готовит документы для повторной проверки, выкладывает разные бумажки из маленькой дамской сумочки. Подслеповато щурится, разглядывая, что достала. Неожиданно она выкладывает украинский паспорт на стол и продолжает рыться в сумочке.

— Слышь, мать, ты бы убрала свой хохляцкий паспорт, пока кто не заметил, — тихо говорит мужик лет пятидесяти из соседнего купе. — Иначе у нас у всех проблемы будут, пограничники начнут проверять. В этом поезде только с российскими паспортами можно.

Надя бросает на мужика взгляд, краснеет и спешит убрать синий паспорт в рюкзак как можно глубже, чтобы в следующий раз не достать его случайно.

За окном пожухлая трава, зеленая проклюнулась не везде. Часто встречаются участки, где железная дорога с обеих сторон ограждена забором из колючей проволоки, — видимо, берегут рельсы от диверсантов. В поезде по-прежнему много военных, они на удивление трезвы и молчаливы. Почти все вышли ближе к границе с Донецкой областью.

— Смотри, Рай, — Надя движением головы призывает выглянуть в окно.

Раиса выглядывает, лицо ее еще больше сморщивается, она пытается сдержать слезы: с нервами совсем плохо за последние два года стало. За окном Миллерово. На поездных платформах стоят танки, пушки и прочие машины смерти.



Иллюстрация: Настя Покотинска / «Новая газета Европа»

— Это же сколько хлопцев еще погибнет? А мирных сколько? — почти беззвучно шепчет Рая. По ее лицу, застревая в морщинках, скатывается слеза.

В соседнем купе семейная пара едет до Брянска, им лет по 55–60. Они оживленно обсуждают, как хорошо было при Советском Союзе: и квартиры бесплатно, и образование с медициной лучшие в мире, и стабильность. Впрочем, стабильность есть и сегодня, осталось только СССР возродить — вот тогда заживем.

Для Раисы советский период — время страшное. Когда российские солдаты стали вывешивать красные флаги рядом с российскими на оккупированной территории Херсонщины, Рая пришла в ужас. Ни за что на свете она не хотела бы вернуться в «счастливую» советскую страну.

ВОСПОМИНАНИЯ. ГОЛОДОМОР И ДОПРОС ЗА КОЛОСКИ

— В семье моей мамы все умерли в голодомор в 1933 году: родители и два взрослых брата, около 20 лет парням было, — вспоминает Раиса. — Они жили на хуторе, который позже вошел в состав села Большая Кардашинка. Когда всех загоняли в колхозы, они отказались вступать, поэтому к ним пришли с продразверсткой и забрали всю еду, ни зернышка не оставили. Была еще замужняя старшая сестра, но они с супругом спасали своих двоих детей, им не до родственников было. Мама моя, 16-летняя девочка, оказалась никому не нужна. Она рассказывала, что ее мама умерла последней, и она даже была рада тому, что больше не будет видеть муки распухших от голода умирающих родных.

Девочка села на солнечной стороне под хатой и приготовилась уйти вслед за своей семьей. Но перед глазами стояли картины мучительной смерти папы с мамой, братьев. Боль пугала, и девочка заплакала. Ее увидела соседка, сжалилась над подростком, принесла стакан сыворотки и напоила сироту. Потом соседи, которые и сами голодали, немного ее откормили, и девочка, как только смогла вставать на ноги, устроилась на работу в колхоз.

— Издевались над ней там, как хотели, — продолжает Рая. — Потому что сирота, заступиться некому. Кто-нибудь клубнику сорвет, ее за руку волокут, сверяют след босой ноги. След не ее оказывался, а пинки и оскорбления — всё равно ей. Она всегда ходила босой — круглый год. Во время работы ее в затылок толкают, она падает, ее за нарушение дисциплины сразу же ужина лишают. Хоть какая пустая в колхозе похлебка была, но

всё же еда.

Беды постигли и семью Петра, отца Раисы. У них была земля, волы, лошади. Каждый день работали всей своей большой семьей — никто не ленился. Потом — продразверстка и раскулачивание.

— Он женился на маме в 1936 году, она очень плакала, не хотела замуж, но ей сказали, что нужно идти к тому, кто берет, раз она сирота, — говорит Рая. — У отца семья была раскулаченная, и они все после женитьбы взяли фамилию моей мамы, чтобы таким образом скрыться от высылки в Сибирь. Дед после раскулачивания сошел с ума и ушел в степь, никто не знает его судьбу.

В 1944 году Раисе исполнился годик, она уже начала ходить, а потом перестала: от голода развитие замедлилось. Из села семья уехала в степь, и это их спасло. С трех лет Рая с другими детьми собирали колоски на колхозных полях, которые оставались в земле после сбора урожая. К ним пришли домой милиционеры, забрали те несколько зернышек, что в детских ладошках поместились.

— И это было так унижительно, — плачет Рая. — Кричали на папу, который вернулся с войны без руки. Мне было года три-четыре. Всё еще помню, как меня допрашивали: «Ты собирала?!», нависали надо мной. Я от ужаса онемела, не могла ответить. Потом мама спрашивала, почему я не отвечала. А что я могла ответить, когда даже шелохнуться не могла. Нас осудили, но, к счастью, не выслали.

В семье было шестеро детей: пять мальчишек и Рая. Когда Рая родилась, ее старший брат босиком (зимой!) побежал по соседям и родственникам, радостно крича, что у них девочка. Папа был инвалидом войны, но пенсию не получал, потому что каждый год нужно было из Кардашинки ездить на районную комиссию в Голую Пристань, подтверждать, что рука не отросла. Ему редко удавалось попасть на комиссию.

Помнит Рая и то, что году в пятидесятом ее семье нечем было заплатить налог, представители власти приехали к ним домой, забрали папин велосипед, ружье и кровать. Несколько лет вся семья спала на голой земле.

— На праздник солому постелят, мы довольные по ней ходим, ногам теплее, — смеется Рая. — А так всё время босые на голой земле. Пол земляной, стены низкие, два маленьких окна, в них стекла. Помню, дождь льет, вода по этим стеклам бежит, они потом зацветают плесенью из-за постоянной сырости, темнеют. Мама их без конца драила, пыталась сделать прозрачными.

В школу Рая пошла в шесть лет, ей помыли ноги и босиком отправили учиться. Четыре года проучилась, а потом уехала в среднюю школу. Как ушла от мамы в десять лет, так уже больше к ней не вернулась. Жила потом в интернате, чтобы иметь возможность получить школьное образование.

— Каждый день в течение нескольких лет нас кормили там макаронами на обед и ужин, по утрам — манная каша, я их с тех пор есть не могу, — вспоминает Рая. — Иногда мы чувствовали запах жареной картошки,

которую готовили не для нас. Боже, как хотелось ее покушать. Знаю, что на интернат выдавали сливочное масло, но до детей оно не доходило. Однажды приехала лаборатория, каждый из нас сдал кровь в обмен на обещание, что после этого нас хорошо покормят. Но ничего нам не дали, хотя мы надеялись еще несколько дней.



Иллюстрация: Настя Покотинска / «Новая газета Европа»

Проезжая Брянщину

После Брянска в вагоне почти не осталось людей, несколько мужчин в камуфляжной одежде спят на верхних полках, пахнет потом и носками. Странно, что нет запаха вареных яиц и копченой колбасы, который у меня с детства ассоциируются с поездами.

— Оля, напиши моей дочери, что мы по Брянщине едем, это ее родина, — радуется Надя.

Мы обедаем, комфортно разложившись на целое купе. Рая деловито режет овощи, сало и ломает руками хлеб. В чашках дымит свежесваренный молотый кофе со сливками.

— Когда война уже полгода длилась, у меня почти вся еда закончилась, а остатки я берегла, ела по чуть-чуть, — говорит Надя. — Я часто лежала без сна и вспоминала бабушку, как она по утрам доставала из печи круглый хлеб. Большой, пышный, ароматный. Дедушку вспоминала, звали его Михаил Архипович. Они жили на Брянщине, у них сад был очень большой, больше колхозного, дом был построен из бревен без единого гвоздя. Дедушка очень не любил Сталина, отчим ездил к деду в гости, и там они, как говорится, наслаждались честным разговором, делились мыслями, которые при свидетелях нельзя было произносить без последствий. А вот с моим родным отцом у деда таких доверительных отношений не было, дед его терпеть не мог, папа некоторое время был председателем обкома партии в Херсоне.

Дед всё мемуары про сталинские времена писал, а как он умер, мой папа — коммунист — эти записи сжег. Честно, я не понимаю, как можно хотеть возвращения советских времен.

За окном проносятся земли Брянщины, зеленеющая трава, деревья, кое-где еще виднеется снег, а где-то стоит вода. Бабушки переживают, что вода копится, вдруг она людям дворы подтапливать начнет. Вспоминают про Орск, жалеют оренбуржцев.

— Людей жаль, конечно, — говорит Рая, — но, может, они хоть так прочувствуют, что с нами сделали? Может, горе их отрезвит от путинского морока?

И тут же сердится, вспоминая, как проходили выборы в их пункте временного размещения, как перед голосованием всем лояльным выдали «витаминчики» — по одному лимону.

— Да когда у людей уже хоть какая-то гордость появится? За подачки продаются, — закипает Рая. — Что это за выборы, когда мне солдат чуть ли не в спину дулом автомата тычет и внимательно смотрит, за кого я галочку ставлю?

ВОСПОМИНАНИЯ. ПОСЛЕ НАВОДНЕНИЯ

Надя с Раей сходятся во мнении, что потоп хуже снарядов. При обстреле есть шанс уцелеть и имущество сохранить, при наводнении — сам еще можешь выжить, но сохранить ничего не успеешь.

Когда бабушек вместе с остальными жертвами наводнения привезли в пункт временного размещения (пансионат), туда сразу же приехали полицейские и люди в штатском. С каждым из новоприбывших они провели беседу, проверили уцелевшие документы.

— Один мужик в сердцах что-то не то сказал по поводу «русского мира», так его в наручниках увезли в неизвестном направлении, — говорит Рая. — Знаю, что жена всё ездила куда-то, искала его еще несколько месяцев. Больше мы о нем ничего не слышали.

Паспорта РФ обязали сделать всех, иначе выгоняли на

улицу. После того потрясения, что пережили люди, уже никто и не сопротивлялся.

— Знакомый из нашего села говорил, мол, я хочу, чтобы война длилась и длилась, только сейчас хорошо жить стал, — вспоминает Надя. — А я до августа даже не собиралась ничего оформлять: ни паспорт, ни пенсию. Я всё надеялась, что придут ВСУ, Зеленский ведь говорил о контрнаступлении. Наших я не дождалась, зато русские сказали, что не дадут даже еды, если я не оформлю их паспорт.

Более полугода пенсионерки прожили в пансионате в Лазурном, военные размещались в соседних пансионатах. Как и в Кардашинке, каждый день они слышали вылеты, грохот и боялись, что прилетит «ответка». Когда по берегу моря шла тяжелая техника, домики тряслись. Страшное место — море, степь и много военных. Местным жителям и обитателям ПВР оформили специальные пропуска с красными печатями, иначе в Лазурное не попасть. Моря за полгода бабушки не видели, только чувствовали его запах и иногда слышали шум волн: проход на набережную гражданским запрещен.

— Стены в комнатах тонкие, слышно было даже тихие разговоры у соседей, — продолжает Надя. — Ни о чем подозрительном по телефону нельзя разговаривать, со всех сторон уши и желающие на тебя донести.

Нельзя было и критиковать российскую власть. В ПВР часто случались конфликты с теми, кто за Путина. Однажды во время просмотра по телевизору новостей

Надя назвала Путина карликом, женщина из соседней комнаты услышала и неделю с ней не разговаривала: оскорбление Путина восприняла как личное.

— Еще они с пеной у рта мне постоянно доказывали, что украинцы расстреляли жителей Бучи и подорвали дамбу Каховской ГЭС, — вздыхает Надя. — Но на ГЭС работал ученик моей близкой подруги. Еще до взрыва он звонил ей и жаловался, что русские заминировали дамбу, а он им даже помешать не мог.

По ночам Надя спала, положив рядом с подушкой кухонный топорик (тот самый, что сейчас лежит в ее дорожной сумке). Мужчины в пансионате сильно пили, кричали, иногда дрались и нападали на других постояльцев. Надя решила, что в случае чего в обиду себя не даст, и купила топорик...

Через пару месяцев после потопа часть кардашинцев отправились в родное село посмотреть, что стало с их домами. Поехала и Надя в надежде найти вставную челюсть, забытую в спальне. Знала, что во время наводнения высота воды в ее дворе достигла четырех метров, и всё же надеялась.

Дом Нади воду пережил, а вот новых хозяев — нет. Здесь поселились российские военные, они выломали внутри все двери и даже межкомнатные стены. Когда она открыла дверь, то увидела солдат, спящих вповалку прямо на полу. Ее тут же выгнали из дома.

Потрясенная увиденным, она присела на лавочку во дворе. Вышел пожилой солдат и сказал: «Не держи на

нас зла, бабушка, мы в этом не виноваты. Правительство наше виновато».

— Конечно, я понимаю, что он лишь приказ выполняет,
— вздыхает Надя. — Предложил кофе, я согласилась.
Вынес в моей чашке. Я вдохнула аромат и узнала — это мой кофе. Нашли, значит, солдаты тайник с продуктами в запаянных пакетах. Я его прятала в комнате своей мамы, в ее одежде.



Российские военнослужащие стоят на берегу Черного моря в Скадовске, Херсонская область, Украина, 20 мая 2022 года. Фото: Сергей Ильницкий / EPA-EFE

Смоленск — Минск — Брест

После Смоленска вставляю в телефоны бабушек симкарты

«Киевстар», которые они берегли, несмотря на то что украинская связь на оккупированной территории Херсонской области не работала с лета 2022 года. У Раи телефон сразу же завибрировал: пришло сообщение о зачислении украинской пенсии. Бабушки повеселели и заволновались одновременно: скоро они будут среди своих.

Настраиваю пенсионеркам смартфоны, у обеих — куча VPN, почти по 10 штук. Искренне удивляюсь.

— Не, ну а как новости иначе почитать? То один VPN не работает, то другой, — отвечает Рая. — В Украине они же нам не понадобятся?

Не знаю, не знаю... Предлагаю с удалением приложений повременить, пока доступность любимых сайтов на месте не проверят. Когда так долго живешь с VPN, сложно поверить, что он где-то не нужен.

В поезде снова туда-сюда ходят силовики, теперь они в форме белорусской милиции.

При их приближении большинство пассажиров замолкает. Странное впечатление: вроде ни в чем не виноват, а смотрят на тебя как на преступника.

При очередном проходе милиционеры останавливаются возле парня лет двадцати на боковой полке, что-то ему говорят, а потом уводят. Парень высокого роста, худощавый. Он ни с кем не разговаривал по дороге. Никто инцидент не обсуждает, все делают вид, что ничего не произошло. Через полчаса парня приводят обратно, его руки за спиной стянуты металлическими

наручниками.



Иллюстрация: Настя Покотинска / «Новая газета Европа»

— Это твой рюкзак? Телефон где?

Парень плечом показывает на полку, на которой лежит скомканное полотенце, телефон под ним.

— Там еще ноутбук под подушкой, — слегка запнувшись, говорит он.

Милиционеры забирают вещи и уводят парня.

— Наверное, лайк где-то не там поставил, — тихо говорит молодая женщина по соседству.

Ее подруга смотрит на нее с испугом и мольбой: не говори больше ничего! Проводница объясняет, что парню 20 лет, он ездил работать куда-то на вахту, и там они с друзьями «начудили», а еще он в розыске как алиментщик.

— В 20 лет?! — воскликнула Рая. — Да что же они такое

выдумывают? — и уже сквозь слезы: — Хоть кто-то сообщит его матери? Она же ждать будет ребенка.

Как и в России, в Беларуси силовикам, похоже, тоже никто не верит.

Поезд подъезжает к Минску, начинается суета с чемоданами. Те, кто молчал всю дорогу, неожиданно начинают общаться. Мы наконец-то знакомимся с женщиной с верхней полки, которая всю дорогу спала и даже отказывалась спуститься поехать.

45-летняя Ирина, худенькая и очень уставшая, говорит медленно, постоянно о чем-то задумываясь. Она живет в Донецке, а сейчас едет в Польшу по украинским документам — на заработки.

— Квартиру опять разнесли, уже в четвертый раз, — тихо говорит она, — думаю, пока силы есть, надо хоть на ремонт заработать, у нас с работой плохо. Нет, мы, конечно, рады, что в 14-м году к нам Россия пришла, — эти слова она произносит громче, в глазах — ужас, а потом — уже нормальным голосом: — Но так бедно мы никогда не жили.

Пересадка в Минске оказалась самой простой, никуда не нужно было бежать: где высадка, там и посадка. Бабушки мои загрустили: близится время прощания.

Поезд до Бреста отличается от российских, в которых мы проехали предыдущий путь. Люди смотрят друг на друга с любопытством, знакомятся, задают много вопросов. Но нам это непривычно: за каждым вопросом ждешь подвоха, в каждом соседе видишь стукача.

— Куда бабушки едут? — допытывается женщина лет пятидесяти. — В санаторий?

— Да, в санаторий, — отвечает Надя и молчит.

Разговорить ее соседке не удастся.

Я пытаюсь купить воду через терминал. Проводница объясняет, что сработать может только карта «МИР» Сбербанка, все остальные вряд ли. Хорошо, что у меня Сбербанк.

В поезде гасят свет, и люди вокруг укладываются спать прямо на голых полках — экономят на постельном белье, а матрасы без его покупки проводница брать запрещает. Я гляжу вокруг себя и чувствую, что переместилась в машине времени — в наше нищее советское прошлое.

В Бресте я передаю бабушек волонтерам. Дальше их везут через Польшу — мне туда путь закрыт. Рая с Надей держат меня за руки и плачут. Я молюсь, чтобы с ними всё было в порядке.

...Через пару дней мои путешественницы уже были в Херсоне. Теперь они снова под обстрелами, и любимая ими Кардашинка так близко и так далеко.